

люди, дети, для сравнения с данными Уложения привлечены материалы Книги о ратном строе, но тут в числе примеров находятся слова *куры, утята, гуси, курицы* и лишь единичное *серьсаны*. В чем должно заключаться сравнение, которое предлагается провести читателю, остается неясным.

Трудно согласиться и с тем, что в этот период формы винительного падежа множественного числа, равные именительному, бывают лишь в предложении, где имеется словосочетание *выдать замужъ: «дочери свои дѣвки, или сестры, или племянницы выдали замужъ, 171 об.»* (стр. 257). Материалы памятников конца XVI в. позволяют предполагать, что в этот период полного единообразия в употреблении форм винительного падежа существительных женского рода еще не было. Ср. данные Домостроя по Коншинскому списку: «А мати твоя многие девицы и вдовы пустошныя и убогие воспитала (66/27)» и одновременно: «убогихъ вдовицъ и сиротъ поконити достойно (20/34)», или: «А государыня жонокъ и девакъ... сзирает и смечаетъ (57/21)». Видимо, полная победа форм винительного падежа множественного числа, равных родительному падежу того же числа, для имен существительных женского рода осуществилась несколько позднее. Такие сочетания, как: *стали въ пушкари, встали во псары* и им подобные, должны быть выделены в особую группу уже потому, что они имеют соответствия и в современном языке. Вообще вопрос о формах винительного падежа для существительных личных и одушевленных изложен несколько суммарно (стр. 255—257).

Иногда заключения автора о хронологии процессов не могут быть безоговорочно приняты. Таково, например, указание об употреблении звательной формы: «В середине XVII в. употребление звательной формы..., повидимому, вообще в русском языке, как правило, прекратилось...» (стр. 255). Мы полагаем, что этот процесс относится к значительно более раннему периоду. Случаи употребления местоименной формы *сесь* в выражениях *сесь указ, сесь Судебник* в памятниках XVI—XVII вв., вероятно, все-таки не дают повода для того, чтобы предполагать, что в разговорной московской речи XVI в. эта форма была обычной. Материалы таких памятников XVI в., как Домострой, Стоглав и Судебник 1550 г., находившиеся в нашем распоряжении, основания для подобного утверждения не давали.

Следует сделать также замечание, касающееся расположения и подачи иллюстративного материала. Богатый и интересный материал, извлеченный из памятников письменности и иллюстрирующий соответствующие явления фонетики, морфологии, словообразования, ударения и т. п., читателю книги П. Я. Черных не так-то легко использовать. Весь иллюстративный материал по любому разделу расположен в книге до некоторой степени хаотично, не используется даже возможность расположения материала в алфавитном порядке. Так, на стр. 241, где в главе о словообразовании имеется перечень бессуффиксальных образований существительных мужского рода, примеры расположены так: *скоп, скуп, воп, пособъ* и т. д.; на стр. 251 перечислены образования с суффиксом *-ств-о*: *гос[у]дарство, бесчинства, самовольство, крестьянство* и т. д.; на стр. 247: *мятежъ, грабежъ, правезъ, рубезъ, платезъ* и т. д.; на стр. 315: *хуже, выше, ниже* и т. д. Данное замечание относится к расположению иллюстративного материала в любой части книги.

В заключение нужно сказать, что рецензируемая книга, не взирая на те замечания, которые мы высказали, представляет собой ценное и нужное исследование. Она дает надежный материал как для историка языка вообще, так и, не в меньшей, если даже не в большей степени, для историка литературного русского языка, так как Уложение 1649 г. относится к начальному периоду развития русского национального языка.

М. А. Соколова

М. И. Стеблин Каменский. История скандинавских языков. — М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953. 340 стр. с илл. и карт. (Ин-т языкознания)

История скандинавских языков уже давно являлась и продолжает являться предметом исследования многочисленных германистов. На протяжении XIX и первой половины XX в. были опубликованы многочисленные работы, посвященные вопросам фонетики (исторической и нормативной), грамматики и, отчасти, лексики отдельных скандинавских языков. Значительную ценность представляют исследования различных скандинавистов в области исторической фонетики и морфологии, в области диалектологии (с учетом данных лингвистической географии), в области топонимики и ономастики, в области рунологии и этимологии. Накопленный огромный фактический материал уже давно вызвал необходимость в обобщающих работах по истории сканди-

навских языков, и в настоящее время мы располагаем работами Нореена, Индребе, Сейпа, Скаутрупа, Вессена и других исследователей, посвященными как истории скандинавских языков в целом, так и истории шведского, норвежского и датского языков. Таким обобщающим трудом является и данная книга М. И. Стеблина-Каменского «История скандинавских языков»¹.

В этой работе рассматриваются различные явления фонетики, грамматики и лексики всех скандинавских языков в их историческом развитии. Не удивительно, что при такой задаче в одной книге не оказалось возможным дать исчерпывающее описание скандинавских языков в целом и всех сторон каждого языка в отдельности. Так, вопросы исторического синтаксиса скандинавских языков разработаны явно недостаточно, что частично можно объяснить тем обстоятельством, что в скандинавистике эти вопросы недостаточно привлекали к себе внимание исследователей. С другой стороны, отдельные скандинавские языки, например фарерский, не получили, по сути дела, никакого освещения. Но, насколько можно понять из книги, автор стремился не к возможной полноте материала и его интерпретации, а к выявлению как общих линий развития скандинавских языков, так и особенностей развития каждого отдельного языка. Можно смело утверждать, что автору удалась поставленная задача, и появление данной книги следует рассматривать как весьма положительное явление в советском языкознании.

Исходя из положения марксизма-ленинизма о том, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»², автор пытается представить развитие скандинавских языков в органической связи с историей скандинавских народов, и этим его книга выгодно отличается от посвященных тому же вопросу работ зарубежных языковедов. Очень удачной является первая глава из «Введения» «Скандинавский язык-основа и племенные диалекты» (стр. 9—27)³, хотя некоторые положения этого раздела вызывают сомнения и возражения, о чем будет речь ниже. Хорошо дана характеристика древних скандинавских письменных памятников во «Введении». Очень важными являются для историка языка (и не только скандинавских языков!) положения автора о формах письменного языка (стр. 42—47). Постулат автора: «...различие между формами письменного языка не следует принимать за точные отражения различия между местными говорами» (стр. 44) совершенно справедлив и оправдан фактическим материалом.

Целый ряд новых мыслей и ценных положений содержится в разделе «Фонетика» (стр. 97—171). Прежде всего следует приветствовать попытку автора осмыслить звуковую систему древнейшего периода скандинавских языков в фонетическом и фонологическом плане. Считаю здесь уместным указать на то, что в данном разделе, так же как и во всей книге, М. И. Стеблин-Каменский самостоятельно и в ряде случаев по-новому ставит и решает вопросы скандинавистики. Заслуживает внимания положение автора о том, что «звонкие смычные *b*, *d*, *g* и соответствующие им шелевые были первоначально комбинаторными вариантами одной фонемы» (стр. 99). Интересно предположение автора о выделении звонких шелевых в самостоятельные фонемы в связи с озвончением *f* и *p* (стр. 99). Кажется, оправдано положение автора о том, что «в исходной скандинавской системе гласных... краткого *o* вообще не было» (стр. 101). На то, что в прагерманском *u* и *o* были, повидимому, комбинаторными вариантами одной фонемы, уже указывалось в специальной литературе.

Несомненный интерес представляет следующее положение М. И. Стеблина-Каменского: «Характерно, что различие между обыкновенными и какуминальными переднеязычными согласными фонематично (разрядка моя.— Э. М.) в стандартном норвежском произношении, если, конечно, можно говорить о стандартном произношении в современной Норвегии» (стр. 160—161). Убедительны примеры, приводимые автором, но хотелось бы указать на то, что вряд ли стоит ставить вопрос в такой категорической форме, ибо в специальной литературе имеются и другие точки зрения. Действительно, быть может, мы имеем здесь дело с фонологизацией вариантов, с постепенным становлением фонем?

Весьма интересными и в некотором отношении новыми являются мысли автора о перегласовках и преломлении в скандинавских языках. Автор, наверное, прав,

¹ В этом плане не представляется возможным согласиться со следующим положением автора книги: «...большинство зарубежных работ по истории скандинавских языков посвящено настолько частным вопросам, что ничего не дает для понимания существа исторического процесса» (стр. 4). Не подлежит сомнению, что многие положения и выводы данной книги были подготовлены предшествующими исследованиями, особенно в области исторической фонетики и морфологии.

² И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 22.

³ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даем ссылки на страницы рецензируемой книги.

говоря о связи между перегласовкой и редукцией безударных гласных (стр. 109). Во всяком случае, решение этого вопроса, предлагаемое М. И. Стеблиным-Каменским, несомненно более удачно, чем трактовка данной проблемы Хессельманом в его известной книге «Перегласовка и преломление в скандинавских языках»⁴. Ср., например, заявление Хессельмана: «Перегласовка предшествовала синкопе и наступила и *e* з а в и с и м о от нее»⁵ (разрядка моя. — Э. М.); однако до сих пор в защиту этого взгляда приведено мало материала (автор тоже не приводит ничего существенного), и это остается предположением.

Заслуживает внимания следующее положение автора: «В соответствии с тем, что древнескандинавская редукция безударных гласных распространялась сначала на безударное *a*, а затем на безударное *i* и, наконец, на безударное *u*, в языке скандинавских племен произошла сначала перегласовка на *a*, затем перегласовка на *i* и, наконец, перегласовка на *u*» (стр. 109). Хотя это объяснение подкупает своей простотой и остроумием, оно все же несколько схематично и прямолинейно. Здесь приходится считать не только с временным, но и с географическим моментом: одни явления охватывают большинство германских языков, другие свойственны лишь некоторым германским языкам (ср., например, восточнонорвежское *tapnit* и западнонорвежское *topnit*, исландское *tapnot*).

Интересно и такое положение автора: «После того как произошла редукция безударных гласных, эти варианты фонем перестали быть фонетически обусловлены гласными окончания. Они стали самостоятельно выступать в смысло-различительной функции, выполнявшей раньше гласными окончания. Другими словами, варианты фонем стали самостоятельными фонемами, то есть фонематизовались. Такая фонематизация вариантов фонем, обусловленная редукцией безударных гласных, и называется перегласовкой» (стр. 108). Хотя на связь перегласовок с судьбой безударных гласных уже указывалось в литературе, момент фонологизации вариантов фонем следует считать новым и ценным положением в германистике. Говоря о фонетической сущности перегласовки, М. И. Стеблин-Каменский присоединяется к тем языковедам, которые утверждают, что имела место ассимиляция на расстоянии, без посредства промежуточных согласных (стр. 114). Следует отметить, что в последнее время исследователи все более склоняются к старой теории палатализации. Автор правильно критикует теорию перегласовки А. Кока и Б. Хессельмана, однако надо отметить, что сам он по сути дела объяснения для так называемых исключений (например, исл. *tekr*, *tekinn*, *degi* и т. п.) не дает⁶.

Целый ряд верных и интересных мыслей высказывает М. И. Стеблин-Каменский по поводу преломления (стр. 117—119). Он исходит из того, что «видом перегласовки было, повидимому, и так называемое преломление» (стр. 117). Нам это положение представляется совершенно справедливым, и нет никаких оснований согласиться с мнением тех современных скандинавистов, которые настаивают на автономности перегласовки и преломления. Ср., например, работу И. Свенссона: «Дифтонгизация с палатальным элементом в скандинавских языках»⁷; ср. также следующее положение того же Свенссона: «В противоположность Хессельману я полагаю, что старое учение о перегласовке, объединяющее перегласовку и преломление, обречено на гибель»⁸.

В противоположность многим скандинавистам М. И. Стеблин-Каменский приходит к такому выводу: «Повидимому, однако, преломление предшествовало перегласовкам» (стр. 118). Может быть, следует говорить в данном случае о перегласовке на *i* и *u*, но не *a*, поскольку последняя, очевидно, предшествовала преломлению. Интересны также соображения автора на стр. 118 о фонологизации преломления. Интересны замечания автора об изменениях долгих *o* и *u* в шведском языке. Он объясняет это изменение движением *a > o > u > io*. С фонологической точки зрения это объяснение, в основе которого лежит понятие о равновесии фонологической системы, несомненно заслуживает внимания, хотя в литературе и не является новым⁹.

Удачным является на стр. 138 описание датского перебора согласных. Заслуживает внимания и подчеркивание автором связи между перебором и ударением. Также

⁴ См. B. H e s s e l m a n, *Omljud och brytning i de nordiska språken* (Förstudier till en nordisk språkhistoria), Stockholm och København, 1945.

⁵ «Omljudet har gått före synkopen och inträtt oberoende av den» (там же, стр. 5).

⁶ Натянуто и объяснение Хессельмана: «на основе „диссимиллятивного“ равновесия гласных» (стр. 26 указ. соч.).

⁷ J. S v e n s s o n, *Diftongering med palatalt förslag i de nordiska språken*, Lund, 1944.

⁸ «I motsats till Hesselman tror jag, att den gamla omljudsläran, med dess sammankoppling av omljud och brytning, är dömd att dö» (J. S v e n s s o n, *Hesselmans nya omljudsteori*, «Arkiv för nordisk filologi», Bd. 60, Häft 3—4, Lund, 1945, стр. 217).

⁹ Отметим, кстати, что почти полное отсутствие в книге М. И. Стеблина-Каменского ссылок на работы по вопросам, которые он затрагивает, часто затрудняет выделение того, что является плодом собственных изысканий и наблюдений автора, и того, что автор в своей книге лишь обобщает.

очень удачным в книге является подраздел «Общая характеристика распространения фонетических явлений в языках скандинавских народностей» (стр. 143—146). Автор хорошо описывает фонетические изменения, характерные для всех скандинавских языков, и фонетические изменения, присущие лишь определенным скандинавским языкам.

Совершенно справедливо утверждение автора на стр. 121 об условности традиционной классификации современных скандинавских языков (на западную и восточную подгруппы). Сам автор классификации скандинавских языков не дает, что, между прочим, было бы желательным.

Большим достоинством книги является широкое использование данных лингвистической географии и лингвистических карт (на стр. 35, 139, 159, 202).

В разделе «Грамматика» (стр. 175—253) очень удачной является морфологическая классификация существительного и глагола; интересные положения содержит подраздел, посвященный временным категориям глагола (стр. 226—233). На стр. 213 хорошо описываются процессы морфологического переразложения в составе местоимений. Хотелось бы лишь указать на то, что вряд ли стоит рассматривать в одной плоскости такие явления, как исл. *skuluþér > þér* и норв. *hafum vér > hafum mér*. Ведь при переразложении очень важным является сдвиг границы слога (или слова). Ср. в швед. *menen I > menen Ni*. В случае *hafum vér > mér* мы имеем прогрессивную ассимиляцию (*mv > mm*) первоначально без сдвига в слогаделении. Замечания о синтаксисе, как уже указывалось выше, носят отрывочный характер. По сути дела, из совокупности всех синтаксических вопросов здесь (стр. 241—250) рассматриваются, и при этом неполно, лишь два вопроса: порядок слов и сочинение-подчинение.

Много интересного содержит раздел «Лексика» (стр. 257—311). Очень удачна глава «Древнейший лексический слой в скандинавских языках» (стр. 257—265). Много интересных мыслей содержит и следующая глава: «Форма лексических изменений в скандинавских языках» (стр. 265—283). Очень полезен на стр. 308 список скандинавских «омонимов».

После этих замечаний, цель которых заключалась в раскрытии многих положительных сторон книги М. И. Стеблина-Каменского, я перейду к некоторым положениям, вызывающим сомнения, а иногда и возражения.

1. Остановлюсь прежде всего на понятии национального языка. Говоря об образовании национальных языков в Скандинавии, М. И. Стеблин-Каменский постоянно употребляет термин «национальная норма». Последняя определяется так: «Разновидностями языка нации или национального языка являются местные говоры или диалекты, в частности, городские говоры, а также общенациональная, т. е. наддиалектная норма (устная, письменная, орфографическая, фонетическая, лексическая и т. д.). Национальная норма, особенно письменная, называется также национальной литературной нормой или национальным литературным языком. Национальная норма всегда подразумевает отбор тех или иных форм и противопоставление правильного неправильному, т. е. нормализацию» (стр. 5). В дальнейшем, где речь идет о национальном языке, всюду говорится о национальной норме. Например на стр. 85 «норвежская национальная норма», на стр. 155 «норвежские говоры и национальная норма» и т. д. Не подлежит сомнению, что нормативность в качестве одного из признаков входит в понятие национального языка. Совершенно непонятно, почему автор акцентирует лишь этот один признак и делает его экспонентом национального языка вообще. Сам по себе этот признак не является столь характерным именно для национального языка, ибо нормативность в той или иной мере присуща всем разновидностям языка, при этом письменному языку больше, чем диалектам, но и последние не лишены известной нормативности. Национальный язык обладает и другими не менее существенными, а пожалуй, и более существенными признаками, например многофункциональностью. Употребление национального языка во всех сферах государственной жизни — вот прежде всего то, что отличает национальный язык от народного. Отсюда происходит и иное соотношение общенародного языка и диалектов по сравнению с языком народности в их соотношении с местными диалектами. Не это ли имел в виду В. И. Ленин, когда он писал: «...для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹⁰. Но дело заключается не только в этом. М. И. Стеблин-Каменский вкладывает в термин «национальная норма» и иное содержание. На стр. 168 мы читаем: «...для языковой ситуации в Норвегии характерно, что лансмор не имеет своей фонетической нормы, отличной от фонетической нормы риксмора» (разрядка моя. — Э. М.). Автор в данном случае, очевидно, понимает под фонетической нормой совокупность нормативов или даже систему фонем. Если автор под фонетической нормой лансмора понимает именно совокупность фонем, то тогда можно спорить и по существу утвержде-

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

ния; по данному вопросу имеются и другие точки зрения (укажу, например, на работу Халлфрид Кристиансен «Норвежские диалекты»¹¹).

Обратимся еще к одному положению автора. На стр. 252 мы читаем: «Однако существенное отличие норвежской грамматической нормы (как нормы риксмолы, так и нормы лансмолы) от шведской и датской грамматической нормы заключается в ее гораздо меньшей устойчивости по сравнению с шведской и датской грамматической нормой и в ее большей зависимости от разговорной речи» (разрядка моя. — Э. М.). В данном случае речь идет, очевидно, о грамматическом строе вообще, ибо автор тут же указывает на предложные обороты, на аналитические формы пассива, на синтаксис сложного предложения. Таким образом, термин «национальная норма» употребляется М. И. Стеблиным-Каменским чрезвычайно расплывчато, он становится просто бессодержательным. Поэтому непонятно, почему автору понадобилось снять термин «национальный язык» и заменить его таким неопределенным в употреблении автора термином, как «национальная норма». Нельзя не согласиться с Н. Касьяновым, который писал в журнале «Большевик» по поводу статьи М. И. Стеблина-Каменского «Образование норвежского языка»: «Очевидно, автор смешивает общенародный язык с его письменно-книжной, литературной разновидностью»¹².

2. Остановлюсь на вопросе о периодизации истории скандинавских языков. На стр. 5 М. И. Стеблин-Каменский пишет: «В настоящей работе деление на периоды соответствует вместе с тем развитию скандинавских языков „...от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...“». Однако по такому плану строятся только «Введение» и частично «Фонетика». Построение всего раздела «Грамматика» уже не соответствует этому делению истории скандинавских языков.

В разделе «Лексика» указанное деление выдержано лишь в известной части. Таким образом, сам автор придерживается принятого им деления преимущественно во «Введении» (т. е. по номенклатуре некоторых языковедов, в области «внешней» лингвистики) и отчасти в разделе «Фонетика». Возникает вопрос, насколько оправдана подобная периодизация истории скандинавских языков. Вряд ли можно сомневаться в том, что раскрытие и анализ исторического процесса развития каждого конкретного языка, а следовательно, и его периодизация немыслимы в отрыве от законов его развития. Представляется совершенно правильным положение Б. В. Виноградова о том, что «исследование этого вопроса (о внутренних законах развития языка. — Э. М.) на основе конкретно-исторического материала самых разнообразных языков мира даст твердую базу для периодизации истории этих языков, для установления основных этапов их развития»¹³.

Но если это так, и если верно положение, что каждый язык имеет свои собственные законы развития, что история каждого языка своеобразна и неповторима, то ясно, что невозможно одну схему периодизации наложить на все языки мира. Ведь и китайский язык развивался от языка племени к языку народа и от языка народа к национальному языку. Неужели у китайского языка такая же историческая периодизация, как, скажем, у исландского языка? Не будет ли некоторым нарушением принципа историзма, если мы истории всех языков мира навяжем одну и ту же периодизацию? С другой стороны, есть и большие неудобства в подобной периодизации. Возьмем, к примеру, историю немецкого языка. Весь ход исторического развития немецкого языка диктует необходимость выделения древне- и средневерхненемецкого (существенные различия в соотношении диалектов, в фонетическом и грамматическом строе), хотя оба эти периода укладываются в рамки языка немецкой народности; если же историю немецкого языка делить на два периода — язык народности и язык нации, то тогда первый период потеряет всякие очертания. Кроме того, сам автор признает, что «...нет оснований делить историю грамматических изменений в языке на периоды так же, как историю фонетических изменений» (стр. 175). И, наконец, автор сам не всегда последователен в своей периодизации. Так, на стр. 71 мы читаем: «„Шведский Аргус“ Улува Далина... знаменует начало новейшего периода в истории шведского языка» (разрядка моя. — Э. М.). Что понимает автор под новейшим периодом? Ведь до сих пор речь шла только о племенных, народных и национальных языках. Очевидно, сюда вторглась иная периодизация, о которой автор ничего не говорит. Нельзя не прийти к выводу, что периодизация истории скандинавских языков, предлагаемая автором и недостаточно последовательно проводимая им в данной книге, является весьма спорной.

¹¹ Н. Christiansen, Norske Dialekter, Oslo, 1946.

¹² Н. Касьянов, Новый журнал по языкознанию [реп. на журн. «Вопросы языкознания», №№ 1, 2, 3, 1952 г.], «Большевик», М., 1952, № 16, стр. 69.

¹³ Б. В. Виноградов, Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 43.

3. Известные возражения могут вызвать положения, относящиеся к языку рунических надписей. Широко используются рунические надписи, что, несомненно, является положительным моментом книги, автор пишет на стр. 27 следующее: «Может быть руническая письменная норма сложилась в результате межплеменного общения и была своего рода условным межплеменным диалектом» (разрядка моя.— Э. М.). Не говоря уже о том, что здесь опять речь идет о норме, при этом применительно к племенным языкам, и что здесь норма, очевидно, понимается как совокупность особенностей письменного языка, вряд ли можно согласиться с автором в том, что «руническая норма» была условным диалектом. Нет сомнения в том, что М. И. Стеблин-Каменский, говоря об условном диалекте, имеет в виду местные диалекты (т. е. именно местные диалекты). Об отсутствии четкого представления у автора по данному вопросу свидетельствует и положение на стр. 40: «В силу условности языков и несовершенства графики, они (т. е. рунические надписи.— Э. М.) не дают полного представления об особенностях языков отдельных скандинавских народностей». До сих пор речь шла об «условном» диалекте, теперь же говорится о языке. Читатель в результате остается в неведении, что же нужно понимать под языком рунических надписей.

4. Хотелось бы возразить автору по вопросу о конверсии. На стр. 281 М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Переосмыслением слова является в известной мере так называемая конверсия, т. е. изменение значения слова в результате его превращения в другую часть речи». Ведь конверсия является одним из способов словообразования, следовательно, при конверсии мы имеем новое слово, а не изменение значения слова. Мне представляется более правильным определение конверсии, даваемое А. И. Смирницким: «Конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова»¹⁴.

5. Мне не совсем понятно следующее утверждение М. И. Стеблина-Каменского: «Характерно при этом, что в исландском разговорном языке, и особенно в разговорном языке городского населения, заимствованных слов значительно больше, чем в письменном языке» (стр. 300—301). С этим следует сопоставить и другое утверждение на стр. 304: «Характерно, однако, что фарерский разговорный язык, в отличие от письменного языка, содержит все же довольно большое количество слов датского происхождения (в обоих случаях разрядка моя.— Э. М.). Поскольку автор не приводит в защиту этого положения никакого фактического материала и не дает никаких ссылок на специальную литературу, данное утверждение звучит необоснованно. Откуда вообще известно, что в фарерском разговорном языке много данизмов? Может быть, автор имеет в виду окказиональное употребление заимствованных слов в разговоре, что вообще говоря не типично для системы языка. Во всяком случае, здесь прежде всего необходим фактический материал.

6. Лишено доказательной силы положение автора о том, что «под латинским и немецким влиянием на эти отделяемые ударные частицы стала распространяться неотделяемость, первоначально характерная только для безударных приставок» (стр. 271). Здесь мы имеем дело скорее с внутренними процессами развития в скандинавских языках, а не с немецкими тем более латинским влиянием. К тому же тенденция к неотделяемости проявляется в известной мере и в шведском разговорном языке.

7. Вряд ли можно согласиться со следующим положением автора: «В древнешведском и древнедатском языках перфект с глаголом „быть“ (д.-д. *was*, д.-ш. *vara*) в переходных глаголах, означающих перемену места или состояния, стал господствующим, повидимому под немецким влиянием, и обозначал как результативное состояние, так и действие» (стр. 230). Скорее здесь мы имеем дело с внутренними процессами развития в самих скандинавских языках. Во всяком случае, требуется большой и обстоятельно подобранный фактический материал для подтверждения данной точки зрения. Вообще следует заметить, что некоторые скандинавские исследователи преувеличивают влияние немецкого языка на скандинавские языки; от такого преувеличения не свободен Э. Вессен в работах по шведскому языку и, в частности, Т. Юханнссон.

8. Можно возразить автору по поводу его утверждения на стр. 118: «...затем такой дифтонгоидный гласный превратился в восходящий дифтонг *ia* (*ja*) или *io* (*jo*)». Если принимать звонкий шелевой *j*, то тогда вообще не приходится говорить о дифтонгах.

То же самое относится к утверждению автора на стр. 162: «Еще в XIII—XIV вв. имела место дифтонгизация *e*» (*je* (например, в *réttur*, «правильный», *él*, «буря»)). На самом деле дифтонгизация здесь нет; тут имело место развитие нотации перед начальным *e* и смягчение предшествующего согласного (в случае *réttur*, в транскрипции [*rjɛtːoʔ*]).

9. Требуется проверки следующее утверждение на стр. 169: «Кроме того, в отличие от других скандинавских языков, в исландском языке не только все гласные могут быть краткими и долгими, но и все дифтонги». Как известно, в исландском языке

¹⁴ А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке, «Иностр. языки в школе», М., 1953, № 5, стр. 24.

долгота и краткость гласных является фонематическим признаком. Остается неясным, считает ли автор, что и долгота и краткость д и ф т о н г о в тоже является фонематическим признаком. В отношении исландского подобное утверждение было бы неправильным. Но и для принятия долготы исландских дифтонгов требуются экспериментальные исследования.

10. Непонятно, почему на стр. 264 местоимения отнесены к служебным словам.

11. Следует дополнить следующее положение на стр. 233: «В современном исландском языке будущее время в большинстве случаев выражается просто формой настоящего времени (например, *ég fer* «я поеду»)). Кроме формы настоящего времени, в современном исландском языке широко представлены конструкции с глаголами: *eiga* + *að* с инфинитивом, *ætla* + *að* с инфинитивом (например, *ég ætla að skrifa þeð* «я это запишу»; *hváða ég að gefa þú* «что я Вам дам?» Ср. также *geta* + причастие II).

В заключение укажу на некоторые неточности, а подчас и небрежности, а также на некоторые стилистические погрешности, встречающиеся в книге.

На стр. 12 приводится готская форма: *gutans*. Откуда автор взял эту форму?

На стр. 13 указано озеро Меларен. Лучше давать по-русски, без артикля: Мелар.

На стр. 63 Л. Хольберг назван датским писателем, на стр. 77 он уже называется норвежским автором, а на стр. 298 он получает «обтекаемый» эпитет: скандинавский писатель.

На стр. 78 сказано: ослоское произношение. Вряд ли это звучит хорошо по-русски. Лучше: произношение жителей Осло.

На стр. 79 Knudsen передается по-русски как Кнудсен, а на стр. 86 — как Кнутсен. Почему?

На стр. 102 указано, что готскому *ē* в современном немецком соответствует *ä*. Не всегда! Ср., например, готское *lētan* и немецкое *lassen* или готское *mēna* и немецкое *Monat* и т. д.

На стр. 166 указываются «смазанные звонкие щелевые согласные». Стоит ли калькировать терминологию некоторых модных языковедов?

На стр. 219 мы читаем: «претерито-презентные глаголы выражают состояние сознания». Неудачно. Почему именно состояние сознания?

На стр. 241 мы читаем: «Происходила видовая и стилистическая дифференциация». Что автор имеет в виду?

М. И. Стеблин-Каменский обнаруживает превосходное знание скандинавских языков, но хотелось бы возразить по поводу перевода одной древнедатской фразы: *svo word han i hiæl rivin af hundæ* «так был он в аду разорван собаками» (стр. 237). Почему в аду? *riva* и *hiæl* обозначает «разорвать», «растерзать». Ср. в шведск. *slå ihjäl* и т. д. Ср. уже в Эдде: *ek mynda fík i hel drepas* (Hrb., 27, 2) или: *þrundu feir Vinga ok i hel drápu* (Am., 40, 2)¹⁵.

Опечаток в книге почти нет. Отмечу лишь на стр. 103 *kljúfa* — «рассказывать». Следует: «раскалывать». Вообще надо отметить превосходное типографское оформление книги.

Желательно было бы иметь в конце книги предметный указатель; полезна была бы и транскрипция, особенно для исландского и датского языков. Необходим также список литературы; поскольку сам автор оговаривает, что данную работу можно использовать в качестве учебного пособия по истории скандинавских языков, то желательно было бы дать библиографические указания в конце каждого раздела и в конце книги. Было бы также желательно при цитировании древнескандинавских памятников указывать памятник, а при Эдде — песню и строфу.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что М. И. Стеблин-Каменский выполнил поставленную задачу; его книга «История скандинавских языков», помимо обобщения огромного фактического материала, содержит много верных и новых мыслей, и она по праву может явиться настольным пособием для всякого, изучающего и преподающего скандинавские языки. Отмеченные спорные положения и некоторые недочеты ни в какой мере не умаляют большой ценности этой серьезной и интересной книги.

Э. А. Макаев.

¹⁵ Цит. по книге: F. Jónsson, *Sæmundar-Edda*, Reykjavík, 1905.